

ФОРУМ

Brian Davies (University of Texas at San Antonio, USA). I find completely convincing Prof. Lobin's argument that past estimates of the size of Muscovite campaign armies and army groups have been greatly inflated. He is right to remind us that from the sixteenth century survive only two *razriadnye vypiski* (for 1563, and 1577–1578) enumerating (and then incompletely) *polk* strengths on particular campaigns; that chronicle accounts, remarks by foreign observers, and the statements made by Muscovite envoys to foreign courts are likely to exaggerate Muscovite army size; that it is not a straightforward matter to estimate army size from *razriad* lists of *polkovye voevody* and *golovy*, given that *polk* and *sotnia* strengths were not standardized; and that it is unwise to estimate the maximum strength of the *pomest'e*-based cavalry force (*pomeshchiki* and their armed retainers) simply on the basis of the norms in the 1556 Decree on Service, especially as some of the surviving *desiatny* suggest widespread underendowment in *pomest'e* grants and low turnout at muster.

Lobin also provides some valuable insights by examining some campaign narratives (Orsza, Polotsk) in close detail. We concur, for example, in cautioning against the assumption that the large number of *pososhnye liudi* (who were not combat effectives, anyway) mobilized for the Polotsk campaign would all have been kept on in the Muscovite siege camp around Polotsk for entrenchment work. It is more likely most were used briefly in shifts for transport to stages along the marchroute, then dismissed (Because the ground was frozen the Muscovite fortifications work in the 1563 Polotsk siege appears to have been limited to making and placing gabions-work done by the *deti boiarskie* and infantry, according to the Lebedevskaia letopis')¹.

There are two other considerations I did not see discussed in this article and I am interested in what colleagues may have to say about them. Neither consideration offers direct evidence as to army size, although they may have worked to limit army size.

1) The historiography has tended to give the impression that the formation of a large pan-Muscovite *pomest'e*-based cavalry army followed quickly on the heels of Ivan III's 1478 distribution of confiscated Novgorodian estates to two thousand of his junior retainers. However, forthcoming work by Janet Martin of the University of Miami argues that it was not common practice to tie *pomest'e* tenure to military service obligation until 1523. Might it be the case, then, that the *pomestnaia konnitsa* became a significant element in the Grand Prince's army only from the time of Vasili III? Is this further suggested by Marshall Poe's recent work on the expansion of and division of labor within the central secretariat over the late 15th – mid-16th centuries, which concludes that the military establishment may not have been of sufficient size and complexity to require a formally distinct *razriadnaia izba* before the 1550s?².

2) Did command-and-control technique perhaps limit the size of Muscovite field armies in the 16th century? A. V. Kirpichnikov, writing about late medieval Russian military practice, once hypothesized that the need for soldiers to be able to see the main commander's banner and hear his commands by drum must have limited the size of an army assembled on one battlefield; from this Dianne Smith concluded that, "based on a maximum of six regiments participating in a six-

¹ *Davies B.* The Polotsk Campaigns of Ivan IV and Stefan Bathory: The Development of Military Art During the Livonian War // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв. / Отв. ред. А. И. Филошкин. М., 2009. P. 106–120.

² *Poe M.* The Consequences of the Military Revolution in Muscovy: A Comparative Perspective // Comparative Studies in Society and History. 1996. Vol. XXXVIII. Nr 4. P. 614–615.

teenth-century battle, it is doubtful whether any army exceeded 35,000 men”³. (Smith is assuming, of course, a Great Array of six *polki* assembled on one field, not as an army group of six divisions spread across an entire operational theater).

3) Finally, what about logistical limits to army size? Montecuccoli and Turenne maintained that the optimal strength of a field army was about 50000 men — above that limit existing provisioning and command-and-control techniques were insufficient to keep it combat-worthy. If this was true for seventeenth century armies operating in more densely populated central and western Europe, might there have been a similar or smaller optimal strength for sixteenth-century Muscovite armies campaigning across larger distances in more sparsely populated southern Muscovy or Lithuania?⁴ The army Ivan IV sent to Polotsk in 1563 reportedly had a train of 5000 carts and wagons — and experienced several traffic jams along its marchroute. Was the Polotsk expeditionary force of “optimal” size, given need to carry food and fodder by wagon, and additional food and fodder for the carters and the horses pulling the wagons?

Н. В. Смирнов (Санкт-Петербург). Вопрос о численности армий, принимающих участие в боевых действиях является одним из самых дискуссионных применительно практически к любой эпохе и любому государству. Не является исключением и русская история XVI столетия. К сожалению, состояние источников по русской военной истории позволяет утверждать, что этот вопрос однозначно не будет решен никогда. На сегодня в научный оборот введена основная масса письменных источников, так или иначе оценивающих численность русских вооруженных сил в целом и армий — в отдельных операциях. Если не произойдет революционного открытия неизвестных нам архивов, круг новых документов по этой теме будет ограничен. Таким образом, выяснить реальную численность русских войск почти в любом сражении или кампании XVI в. не представляется возможным. Историк может лишь предложить теоретические построения, которые позволят приблизиться к решению проблемы с большей или меньшей достоверностью.

Предложенная методика определения примерной численности русской армии (точнее, его основного ядра — поместной конницы) через число сотенных голов является одним из самых важных результатов А. Н. Лобина. Даже учитывая осторожность автора в определении состава дворянских сотен (автор предлагает диапазон от 100 до 200 человек в сотне), этот метод выглядит более убедительным, чем известная теория М. М. Крома, который предлагал вычислять размеры русских полевых армий через количество воевод, основываясь на нарративных источниках.

К сожалению, методика А. Н. Лобина применяется им только к периоду 1550–60-х гг., когда имена сотенных голов начали включаться в разряды. Поэтому для более раннего периода автор прибегает в основном к рассуждениям, которые часто выглядят очень убедительно (например, разбор состава и численности русских войск в битве под Оршей 1514 г.), но не являются законченной методикой, применимой к другим случаям. Способ, который использует автор, представляет собой определение численности армии по составу служилых «городов», принимавших участие в походе. Однако следует признать, что он малоприменим к реалиям начала XVI века.

³ *Smith D.* Muscovite Logistics, 1462–1598 // *Slavonic and East European Review*. 1993. Vol. LXXI. Nr 1. P. 38.

⁴ The classic work on this subject is: *Perjes G.* Army Provisioning, Logistics, and Strategy in the Second Half of the Seventeenth Century // *Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1970. T. 16. P. 1–52.

Численный состав служилого «города» исчисляется автором на основе сопоставления с данными Полоцкого похода, причем сведения 1563 г. принимаются автором как данные о максимальной численности этих служилых городов. Такой взгляд представляется ошибочным. Даже в XVII столетии, когда поместная система и структура «служилых городов» были почти неизменны, мы наблюдаем значительные изменения их численности (как в большую, так и в меньшую стороны). Что уж говорить о начале XVI столетия, когда поместная система только проходила этап становления. Служилых «городов» в их классическом виде во многих уездах страны даже не существовало. Таким образом, нельзя проводить прямых аналогий между численностью дворянских корпораций в 1514 и 1563 гг.

Очень спорным является тезис А. Н. Лобина, что «за пятьдесят лет до этого, в годы формирования поместной служилой системы, эта цифра выставленных в полковую службу городских помещиков *должна быть* (выделено мной. — Н. С.) меньшей». Это не столь очевидно. Новгородская корпорация могла быть более многочисленной, хотя бы потому, что в 1563 г. часть их была переведена в состав дворянских корпораций «новых немецких городов». В составе тверского «территориального отряда» в походе могли принимать участие не только государевы дети боярские, но и многочисленные отряды крупных тверских вотчинников, которых упоминает писцовая книга Тверского уезда 1540 г.

А. Н. Лобин не принял во внимание ряд обстоятельств, которые снижали численность русской армии в походе 1514 г. Точные сведения разрядных книг дают нам информацию о количестве дворян и детей боярских «по наряду», то есть списочный состав дворянских корпораций. Между тем в сам поход, как правило, выступало меньшее число. Безусловно, абсолютно точных цифр мы привести не можем, но, по аналогии с походами XVII столетия, можно сделать предположение, что от 5 до 10 % служилых людей «по отечеству» по разным причинам не входили в состав своих корпораций во время похода, но при этом включались в списки. С легкой руки историков, все эти «нетчики» часто автоматически записываются в число дезертиров, хотя в большинстве случаев причины их отсутствия в войсках были совершенно иными (опоздание на службу, старость, болезни, несение службы в других местах, бедность).

Выступив в поход, армия XVI в. практически не получала пополнений, за исключением небольшого числа догоняющих основные силы дворян и детей боярских. Между тем с самого начала похода из армии шел постоянный отток служилых людей. Прежде всего, это были раненые и заболевшие дворяне, получавшие право покинуть действующую армию. Очень часто рядовые дети боярские отправлялись в тыл с посланиями, сеунчами, челобитьями, сопровождали пленных и трофеи. В итоге чем больше длился поход, вне зависимости от степени его успешности, тем меньше оставалось служилых людей «по отечеству» в составе дворянских корпораций. К моменту сражения под Оршей поход 1514 г. уже завершался, позади остались долгий марш к Смоленску и его трехмесячная осада. Служилые «города», отправленные из-под Смоленска в поход под Оршу, неизбежно были существенно меньшими по численности, чем в начале похода.

Важным выводом А. Н. Лобина является необходимость четкого разграничения действующей армии и вспомогательных сил в лице посохи. Нельзя не согласиться с мнением автора, что не следует учитывать в составе вооруженных сил посошных людей. Починивший мост в районе Вязьмы крестьянин, вернувшийся после этой работы

на свое поле, никак не может считаться частью *вооруженных сил* Русского государства.

Однако, согласившись с исключением из числа вооруженных сил России посошных людей, мы не можем принять аналогичного отношения к кошевым холопам. Они отвечают всем признакам боевой единицы. Кошевые были конными, что обеспечивало им достаточную мобильность при стремительных передвижениях русских отрядов. Они были вооружены, что отличало их от тех же посошных. В силу продолжительности своей службы они должны были иметь определенную военную подготовку. Другое дело, что из-за слабого вооружения, качества конского состава и, возможно, низкой боевой подготовки их не выставляли в боевые порядки, поэтому они не должны были участвовать в крупных сражениях, таких как Оршинская битва. Но социальный статус холопа требовал от него постоянного следования за своим хозяином, поэтому кошевые холопы иногда оказывались в эпицентре боевых столкновений. Нет ничего удивительного, что иностранные авторы не делали никаких отличий и зачисляли их в состав действующей армии.

Признавая тот факт, что реальную численность русской армии в сражении под Оршей вычислить не представляется возможным ни по одной из существующих методик, отметим, что данные, полученные А. Н. Лобиним, гораздо ближе к реальности, чем данные нарративных источников, доходящие до 80 000. Критика этих источников, которой автор уделяет большое внимание, представляет интересную часть обсуждаемой статьи. Очень удачными являются приведенные примеры допросов пленных и объяснения явных несоответствий в их речах.

Подводя итог, отметим, что статья А. Н. Лобина способна дать новый импульс изучению этого важного вопроса. Автор впервые указал, что решение проблемы определения численности русских вооруженных сил лежит в совмещении двух направлений исторических исследований — поиска новых источников (в основном иностранных) и применений оригинальных методик расчета численности, позволяющих максимально использовать скудную источниковую базу.

К. В. Петров (Санкт-Петербург). В пространной редакции летописной Повести о Куликовской битве указана численность войск, участвовавших в сражении, — по 150 000 с каждой стороны. Некоторые историки полностью доверяют этим цифрам⁵, другие предпочитают их снизить — не менее 100 000⁶.

В этом и подобных случаях я не верю в возможность существования таких огромных войсковых соединений. Не верю, несмотря на указание источника, и не одинок в своих сомнениях⁷. Вот когда С. Б. Веселовский пишет, что в Куликовской битве могло участвовать только 5000–6000 человек⁸, это число уже не кажется мне невероятным.

⁵ Бегунов Ю. К. Новонайденный ростовский источник о Куликовской битве // От Древней Руси к новой России: Юбилейный сборник, посвящ. Я. Н. Шапову. М., 2005. С. 190. Примеч. 5.

⁶ Селезнев Ю. В. Стратегия и тактика Мамая: К вопросу о численности ордынских войск и маршруте следования к Куликову полю // Куликово поле: Вопросы историко-культурного наследия: Труды научно-практ. конф. М.; Тула, 25–27 окт. 1999 г. Тула, 2000. С. 297–299.

⁷ Ср. мнение Ю. Г. Алексеева о численности войск во время битвы на р. Серице 1501 г. (Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 402–403).

⁸ Веселовский С. Б. Из курса лекций аспирантам МГИАИ о методике научных исследований // Веселовский С. Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 268–269.

В чем причина моих сомнений? В знаниях об армии в XVII и отчасти XVI в. по делопроизводственной документации. Причем эти знания включают в себя сведения о состоянии войска в походе, о растянутых коммуникациях, больших сложностях с подвозом фуража и продовольствия, непостоянной связи между полками, архаичной системе управления полками и т. п. Например, в Полоцком походе 1563 г. Иван IV лично посылал бояр для того, чтобы обеспечить проезд царских кошей, настолько большие были «пробки», говоря современным языком, из подвод, обеспечивавших служилых людей, «наряд» и армию в целом.

Отчасти уверенность в невозможности существования больших воинских соединений придают данные сравнительного характера. В битве при Босворте в 1485 г. армия Тюдора (будущего Генриха VIII) насчитывала около 5000⁹, размеры английской армии во время Столетней войны были не многим более 8000¹⁰, размеры всей английской армии в 1294 и 1296 гг. (при Эдуарде I) — около 30 000, армия Тюренна в 1643 г. — 16 000. И это, как замечает М. Прествич, «не больше, чем большинство средневековых армий»¹¹. Итак, мое недоверие к летописным данным о размерах войск, участвовавших в сражении на Куликовом поле, основано на ретроспективных знаниях и сведениях сравнительного характера.

Когда 14 ноября 1996 г. в стенах Отдела древней истории Санкт-Петербургского филиала Института российской истории (ныне СПбИИ) М. М. Кром делал доклад по вопросу о численности русских войск в XVI в., возражения (со стороны В. Г. Вовиной, П. В. Седова и с моей стороны) вызвала методика расчета, опиравшаяся на данные нарративных источников. Основные положения доклада легли в основу статьи М. М. Крома, однако никаких существенных изменений они не претерпели. Поэтому не удивительно, что, в работе А. Н. Лобина указанная методика расчета вновь подверглась критике.

Впрочем, значение работы М. М. Крома заключается в том, что в ней по существу впервые была описана методика расчета численности вооруженных сил для различных периодов боевых действий, поскольку в трудах предшественников рассчитывались некоторые обобщенные показатели для большого хронологического периода в целом. С другой стороны, цель работы А. Н. Лобина — предложить иную методику для расчета численности войск. Здесь первоочередное значение имеет вопрос об источниках и достоверности их сведений. Для меня совершенно очевидно, что данные нарративных источников, какими бы они ни были — летописные тексты, сочинения иностранцев и др. не могут приниматься во внимание. Исключения составляют летописные записи, источником которых предположительно является делопроизводственная документация. Однако подобные тексты посвящены событиям не ранее 70-х гг. XV в.

В этом смысле А. Н. Лобин прав — полностью отказываться от известий данного источника не стоит. Основной источник наших знаний о численности полков, и в этом опять же нельзя не согласиться с А. Н. Лобиним — делопроизводственная документация, в том числе сводного характера, разрядные книги (официальные или частные) и книги походов. Причем, ситуация с материалами приказного происхождения для выводов о размере армий в XVII в. более благополучная, нежели для XVI века.

⁹ *Калязин А. Э.* Битва при Босворте 22 августа 1485 г. // *Вестник всеобщей истории.* СПб., 2000. Вып. 3. С. 109

¹⁰ *Prestwich M.* *Armies and Warfare in the Middle Ages. The English Experience.* New Haven; London, 1996. P. 336.

¹¹ *Ibid.* P. 335, 336.

Скудость источниковой базы с необходимостью влечет поиск методов получения «скрытой» информации. В связи с этим А. Н. Лобин предложил свой подход, при котором определяющее значение имеет число голов в полку. Зная его и учитывая, что численность подначальных людей у голов колебалась в диапазоне от 50 до 300 человек, можно найти искомое число — численность войска. С этим подходом можно согласиться в случае, если для каждого хронологического периода истории можно определить размеры отрядов, которыми командовали головы, при этом учитывая цели и задачи похода.

На один момент хотелось бы обратить внимание. В статье поставлен важный вопрос о роли и значении посошных людей. Строго говоря, люди, выставляемые в соответствии с нормой Уложения 1556 г., — боевые холопы, это не посошные люди. Последних, вероятно, можно не включать в понятие «вооруженные силы», как это предлагает А. Н. Лобин. Что же касается боевых холопов, то главное место в расчетах их количества у исследователей, в том числе у А. Н. Лобина, занимают нормы Уложения о службе 1556 года.

Текст Уложения сохранился лишь в составе Никоновской летописи (и в сборниках XVIII в. с копиями документов, выполненных по заказу В. Н. Татищева). Многие исследователи отмечали, что летописный текст неполон, в нем говорится лишь о службе со 100 четей «доброй» земли¹². С другой стороны, как заметил историк, «с пуста никто ничего не давал и не платил». Следовательно, при отсутствии «доброй и достаточно населенной земли» — ничего не бралось¹³. Более того, прав В. И. Сергеевич, когда пишет, что «всякое обложение в старину происходило в силу индивидуальной оценки состояния»¹⁴. «Посильность обложения» — принцип права XVI–XVII вв., да и более раннего времени.

Иначе говоря, мог служилый человек выставить своих людей — выставлял по Уложению, и даже в большем числе, чем было предписано, не мог выставить — не выставлял никого. И решающее значение при оценке возможностей принадлежало смотрам¹⁵. Это тем более верно, что само Уложение 1556 г. нельзя рассматривать как современный закон¹⁶. Оно было лишь указанием к действию для окладчиков при проведении смотров служилых людей.

Из всего изложенного следует, что мы не можем оценить число «боевых холопов», участвовавших в военных действиях, на основании Уложения 1556 г. Впрочем, на основании десятен и смотренных списков можно получить лишь данные по отдельным служилым городам в определенный хронологический период.

А. И. Папков (Белгород). Сложность рассмотрения вопроса, которому посвящена статья А. Н. Лобина, в значительной мере связана с состоянием источниковой базы.

¹² См. историографию вопроса: *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 373–376.

¹³ *Сергеевич В. И.* Древности русского права. М., 2006. Т. 1. С. 513.

¹⁴ Там же. С. 521.

¹⁵ Там же. С. 518–521.

¹⁶ *Петров К. В.* Значение «закона» в средневековом русском праве (XVI–XVII вв.) // *Cahiers du Monde Russe*. Paris, 2005. Vol. 46. Pt. 1/2. P. 167–174. См. также: *Кустерев С. Н.* Великокняжеский Судебник 1497 г. и судебная практика первой половины XVI в. // *Очерки феодальной России*. 2007. Вып. 11. С. 444–461; 2008. Вып. 12. С. 365–406.

В этой связи хочется высказать некоторые мысли. В позиции автора прослеживается противопоставление нарративных источников документальным материалам. Однако следует помнить о крайней скудности последних, применительно к рассматриваемому времени. Нет оснований не критично относиться к сведениям нарративных источников, но говорить о разрядных записях XVI в. как об источниках достоверных *a priori* и противопоставлять их всем остальным историческим источникам по теме исследования представляется не совсем корректным.

Судя по библиографическим ссылкам, приведенным в статье, автор использует не разрядные записи, а составленные на их основе разрядные книги, что вполне объяснимо, так как количество сохранившихся разрядных записей XVI в. крайне незначительно. Но при этом следует помнить, что используемые исследователем разрядные книги составлялись «задним числом» за определенное количество лет, часто в начале нового царствования. Они представляли собой официальные «государевы разряды» с сокращенным каноническим текстом, который использовался для справок в местных спорах.

Несмотря на официальный характер разрядных книг, в их текстах могут содержаться определенные неточности, связанные с ошибками составителей и переписчиков¹⁷. Во втором десятилетии XVII в., после окончания Смуты и воцарения Романовых, установилась практика ежегодного составления записных разрядных книг, и они стали более надежными источниками, в которых возможность искажения действительности сведена к минимуму. По этой же причине разряды, составленные при первых Романовых, как отмечает А. Н. Лобин, содержат подробные росписи войск, чего нельзя сказать о разрядных книгах XVI века.

А. Н. Лобин разделяет мнение В. В. Пенского о том, что летописцы, находившиеся под воздействием провиденциалистских представлений, не обращали внимания на численность великокняжеских ратей¹⁸. Однако данное мнение не представляется достаточно убедительно обоснованным ни В. В. Пенским, ни А. Н. Лобиным. На наш взгляд, оно является довольно грубым упрощением. Известно, что среди летописцев были не только представители духовенства, но и вполне светские люди и даже крупные политики¹⁹. Вместе с тем оценка степени достоверности сведений о численности русского войска, содержащихся в записках иностранцев, является вполне убедительной.

В целом методика определения численности вооруженных сил Российского государства XVI в., предложенная А. Н. Лобиным, представляется достаточно убедительной и продуктивной, а выводы, содержащиеся в статье, — вполне аргументированными. Думается, что ее совершенствование даст дальнейшие положительные результаты. Продуктивным может оказаться привлечение еще не использованных автором источников, к примеру, частных разрядных книг, документов Разрядного приказа и др.

А. В. Беляков (Рязань). Говоря о численности армии в XVI в., следует особо остановиться на ее татарской составляющей, а также отметить, что по этому вопросу существует еще меньше источников.

¹⁷ См. например: Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 20. Примеч. 8–9.

¹⁸ Пенской В. В. Военный потенциал Российского государства в конце XV—XVI веках: Количественное измерение // ОИ. 2008. № 1. С. 4.

¹⁹ См.: Лихачев Д. С. Текстология. СПб., 2001. С. 348–357.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что в рассматриваемый период как полноправные подданные Москвой рассматривалось только православное население. Все остальные — татары (правильнее — мусульмане), мордва, западноевропейцы — считались иностранцами, «иноземцами». Другой вопрос, что их можно разделить на внешних и внутренних. Нас в данном случае интересуют внутренние иностранцы («некрещеные иноземцы»), те, кого мы ни в коей мере не можем отнести к наемникам²⁰.

Данные замечания важны по двум причинам. Во-первых, они нужны для того, чтобы отделить ногайских наемников, выезжавших для участия в конкретных военных кампаниях и в ряде случаев из-за внутринагайских осложнений задерживавшихся здесь на длительное время, от собственных «бесерменов», к которым в первую очередь следует отнести романовских татар²¹. Во-вторых, для возможного определения численности служивых татар в составе московской армии следует установить, когда та или иная территория вошла в состав Русского государства.

В первую очередь это относится к районам Восточной Мещеры (Темников и Кадом). Суммарно данный регион мог выставить до 1500 человек только татар, без учета мордвы и бортников. По нашему мнению, данная территория была присоединена к Москве не позднее конца XV в.²² Но имеются и иные точки зрения, по которым это произошло постепенно на протяжении первой половины XVI в.²³ В любом случае, о значительном участии татарского (для первой половины XVI в. это означает мещерских татар в абсолютном большинстве) компонента в русских армиях на западном направлении говорить не приходится. Они должны были охранять восточные рубежи.

Присоединение Казани также автоматически не могло увеличить численность русской армии за счет казанских татар. Перед этим они должны были пройти своеобразную натурализацию. Численность отрядов некрещеных служивых Чингисидов только в Касимове могла достигать 500 и более человек. В остальных случаях редко составляла 100. К тому же в XVI в. отдельные служивые татары принимали православие и автоматически меняли свой статус. Данные процессы наиболее активно проходили там, где незначительные мусульманские анклавные проживали в окружении православного населения. Судя по сообщениям разрядных книг, они наиболее заметны в Новгороде.

Поэтому мы вправе сделать выводы о том, что численность служивых татар на протяжении века не была постоянной. Она постепенно нарастала и достигла своего пика в начале 1560-х гг., после чего стала неуклонно сокращаться. Что касается возможной численности татарской конницы в 10 000, то, по нашему мнению, она преувеличена. Москва никогда не имела такого количества служивых татар.

Рассматривая взаимосвязь между числом поместной конницы и размерами поместий, А. Н. Лобин и его предшественники делают серьезную ошибку, не включая в число

²⁰ *Опарина Т. А.* Иноземцы в России XVI–XVII вв. М., 2007. С. 5–7.

²¹ *Трепавлов В. В.* Российские княжеские роды ногайского происхождения (Генеалогические истоки и ранняя история) // Тюркологический сборник: 2002. М., 2003. С. 320–353.

²² Русское присутствие на Старокадомском городище археологически прослеживается с XV в. (*Шутов В. Н.* Старокадомское поселение // Древние поселения Примокшанья. Саранск, 1992. С. 104–125). Темгенево городище (Андреев городок каменный) оставалось славянским поселением все время своего существования до разрушения крымско-турецкой армией в начале XVI в. (*Челятов В. П.* Древнерусские памятники на северо-востоке Рязанской земли // Великое княжество Рязанское: Историко-археологические исследования и материалы. М., 2005. С. 413–426).

²³ *Исхаков Д. М.* От средневековых татар к татарам Нового времени. Казань, 1998.

претендентов на землю служилых татар. Следует признать, что, за некоторыми исключениями, служилые иноземцы и русские пользовались одними и теми же правами, в первую очередь — поземельными. Ограничения касались только права владения неправославных помещиков русскими холопами²⁴. С одной стороны, данное замечание мало связано с темой данной дискуссии, но, с другой, — оно показывает искусственность деления русской армии на православных и мусульман.

Следует отдельно остановиться на организации татарских отрядов. Здесь также больше вопросов, нежели возможных ответов. Темниковские и романовские, а также касимовские татары царева двора и сеитова полка (последние — после получения автономности от касимовских Чингисидов) имели своих командиров. Среди кадомских татар подобных не обнаружено. Можно сделать предположение, что они были организованы по образцу обычных служилых уездных корпораций. Однако еще с XV в. на театрах военных действий в данных отрядах в обязательном порядке находились приставы, впоследствии замененные головами. При этом в разрядных книгах отмечается наличие только одного головы, в независимости от размера отряда. Правда, это не означает, что голова в самом деле был только один.

Таким образом, можно поставить вопрос о том, что, при соблюдении определенных оговорок в рассуждениях о численности русской армии XVI в., служилых татар, как и западноевропейских наемников в XVII в., не следует отделять от поместной конницы.

А. И. Филюшкин (Санкт-Петербург). Мне бы хотелось остановиться на некоторых моментах, затронутых в статье А. Н. Лобина и в дискуссии. Прежде всего, я поддерживаю общую идею автора статьи, послужившей основой для нашей полемики, о том, что вооруженные силы России в XVI в. составляли несколько десятков тысяч человек в целом, и что говорить о 50 000–60 000-ных армиях в дальних походах не приходится. Но здесь стоило бы развить тему, которая прямо вытекает из проблемы, поставленной А. Н. Лобиным: а что представляли из себя вооруженные силы в XVI веке?

Все авторы, как и А. Н. Лобин, подчеркивают отделение «комбатантов» от «некомбатантов». Однако возможно ли такое отделение на практике? Наверное, оно реалистично только в случае какой-то очень «правильной» войны, которая редко бывала в действительности. Приведем свидетельство Р. Гейденштейна о взятии Великих Лук в 1580 г.: он пишет, что ближе к рассвету в ночь с 5 на 6 сентября, когда к стенам крепости уже прибыл король Стефан Баторий для решающих переговоров, на вал стала карабкаться огромная толпа обозников, маркитантов и других низших чинов, не участвовавших в штурмах, но желавших власть помародерствовать в сдавшемся городе. Одновременно, вопреки перемирию, заключенному с осажденными, состоялась яростная атака венгров, которые сумели ворваться в город. Гейденштейн оправдывает это вероломство тем, что, мол, венгры были оскорблены появлением мародеров и поэтому поспешили взять город, чтобы он не достался тем, кто в осаде и не участвовал²⁵. Но факт остается фактом: на стены полезли те самые «некомбатанты», которых мы, по мнению многих участников дискуссии, учитывать как бы и не должны.

²⁴ *Опарина Т. А.* Указ. соч.; *Орленко С. П., Опарина Т. А.* Указы 1627 и 1652 годов против «некрещеных иноземцев» // ОИ. 2005. № 1. С. 22–39.

²⁵ *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне (1578–1582). СПб., 1889. С. 140.

Или другой пример. Известно (и, думаю, что Б. Дэвис подтвердит это наблюдение многочисленными примерами из собственных изысканий по истории южнорусских крепостей), что пушкарей в крепостях в XVI в. было меньше, чем пушек на стенах. Например, в 1556 г. в Ивангороде было 46 пушкарей, а для обслуживания крепостной артиллерии надо было 82. В южных крепостях количество пушкарей в среднем составляло от 5 до 45 человек на один город. Например, в Пронске во второй половине XVI в. было 56 пушек и 42 затинные пищали, которые обслуживали 12 пушкарей и 21 затинщик. В Дедилове при 40 орудиях находились 15 пушкарей и 25 затинщиков.

Это означало, что в случае боевых действий к орудиям становились члены семей пушкарей, а также другие воины гарнизона или простые горожане. Но как в таком случае считать военный потенциал гарнизона? Его мобилизационный максимум, получается, ограничивался только числом взрослого мужского населения. Но и это не предел — в Пскове в 1581 г. на стенах сражались и женщины, и подростки...

Справедливы указания М. М. Крома, что вопрос о структуре армии и о принципах ее комплектования остается открытым (что показывает приводимый им пример с дозорной писцовой книгой 1551–1554 гг. по Тверскому уезду). Поэтому, наверно, имеет смысл говорить о *частях постоянной боеготовности* (охранные отряды в Москве из московских дворян и стрельцов, а также ядро гарнизонов в крепостях — те самые малочисленные пушкари и затинщики, а также стрельцы); *частях сезонной боеготовности* (дворянские ополчения, служилые «города», которые несли службу или на государственных рубежах — в первую очередь на Оке, но и, как верно замечено О. А. Курбатовым, состояли «на ближней службе», охраняя рубежи и крепости своего уезда); *походных ратях* (которые созывались специально для того или иного похода).

Во всех этих случаях принципы комплектования были разными, и, видимо, разной должна быть и методика подсчета. Части постоянной боеготовности должны быть описаны прежде всего в документации, связанной с выдачей жалования, содержания в том или ином виде, денежном, продовольственном, земельном. Другое дело, что такие документы за XVI в. до нас практически не дошли, вернее, дошли только фрагментарно, — с известными оговорками к ним может быть отнесена Тысячная книга 1550 г. Это охрана Кремля и Москвы, которую видели иностранные дипломаты, и вот тут вряд ли следует отмахиваться от их сведений, отрицая их *a priori*.

Сложнее ситуация с частями сезонной боеготовности. Их структуру мы более-менее представляем по разрядам — кто и куда выходил. Насколько здесь применима методика подсчета по служилым головам и сотням, предлагаемая А. Н. Лобиним — сказать сложно. Во всяком случае, подробные росписи голов в разрядах — это явление второй половины XVI в., то есть данный метод неприменим к тем годам, когда таких росписей нет или они носят случайный характер, а это в значительной степени относится к первой половине XVI в.

Да и само по себе отсутствие четкой фиксации воинов в составе сотни или в подчинении голове (по аналогии с ротами и батальонами Нового времени) во многом сводит этот метод на нет. Разброс исходных цифр от 50 до 300 человек в сотне, равно как и в подчинении голове не позволяет добиться точных результатов. То есть понятно, что эти подсчеты являются еще одним аргументом против «тмочисленных» армий, но — скажем, при наличии 20 голов мы имеем разброс показателей от 1000 (min) до 6000 (max) человек — слишком много, чтобы быть уверенными в каких-либо выводах.

То же самое можно сказать и о походных ратях, но тут мы имеем книги Полоцкого похода 1563 г. и Ливонского похода 1577 г., которые дают, по крайней мере, материал для сравнения. Мне представляется, что весомее аргументы тех ученых, которые включают боевых холопов-послужильцев в числа, приведенные в «Книге Полоцкого похода». Б. Дэвис совершенно справедливо указал на необходимость учитывания логистики похода — если мы увеличим данные об общей численности русской армии еще на порядок (а это необходимо, если мы прибавляем к ней боевых холопов), то, действительно, требуется ответ на вопрос, как двигалась и что ела и пила эта масса людей, коней и подвод. При этом, по источникам, Иван Грозный в начале похода еще хотел сохранить секретность продвижения...

Говоря о частях сезонной боеготовности и о походных ратях, мы неизбежно обращаемся к проблеме мобилизационного потенциала. Собственно, меры правительства в XVI в. — и создание Разряда, и проведение смотров, и составление десятен, и земельные кадастры — как раз и направлены на выявление этого мобилизационного потенциала. Как его можно рассчитать? Очевидно, что модель — установить общий объем фонда поместных раздач и поделить, согласно Уложению 1556 г., на 100 четей (равно как и обратная модель — умножить предполагаемое количество воинов на 100 четей и получить общий объем поместного земельного фонда) — порочна и противоречит даже тем немногим данным десятен, которые до нас дошли от XVI в. В то же время надо упомянуть, что А. Н. Лобин сосредоточился почти целиком на дворянах и холопах-послужильцах и практически прошел мимо *даточных людей*. А их доля, особенно в походах, думается, присутствовала.

Мне кажется, что планка мобилизационного потенциала будет «плавать» на протяжении всего XVI в. (в чем несомненно прав М. М. Кром), и сильно зависеть от демографической ситуации в стране — которая, увы, реконструируется лишь гипотетически. Причем Россия здесь не являет собой какой-то феномен: как показал Р. Маккени,

...в общем и целом рост европейского населения характеризуется в научной литературе как “наиболее значительный факт” столетия. Увы, этот факт трудно подкрепить цифрами... за 1450–1600 гг. прирост населения составил порядка 50 %, но одновременно... [существует] такая же по величине погрешность в вычислениях²⁶.

Без данных демографии можно говорить только о предположительных данных. Здесь скорее важны не абсолютные цифры, любая из которых будет гипотетичной, а соотношение мобилизационного потенциала России с потенциалом ее противников. Попытка такого анализа была предпринята мной в научно-популярной книге, опубликованной в 2008 г.²⁷ К сожалению, жанр не предполагал какого-либо историографического обзора и источниковедческого анализа, выводы оказались в значительной степени продекларированными. Здесь я их просто повторю: если максимально обобщать, то в XVI в. шестизначные цифры мобилизационного потенциала в Восточной Европе были доступны только двум государствам — России и Крымскому ханству (ориентировочно около 100 000). А вот остальные значительно уступали им.

Это объясняет военно-политический паритет между Россией и Крымом в XVI в. (стороны могли выиграть ту или иную кампанию, как Крым в 1571 г. или Россия

²⁶ Маккени Р. XVI век. Европа: Экспансия и конфликт. М., 2004. С. 86–87.

²⁷ Filjushkin A. Ivan the Terrible: A Military Policy. London, 2008.

в 1572 г., но не более того). Но это и объясняет также, почему до 1569 г., до образования Речи Посполитой и до объединения вооруженного потенциала Великого княжества Литовского и Королевства Польского (с оговоркой, что это объединение произошло не сразу и не полностью) Россия и Крым — сильнейшие в военном отношении державы региона — соперничают за куда более слабые Казань, Астрахань, Ногайскую Орду. В Ливонии до начала Московской («Баториевой») войны 1578–1581 гг. у России было очевидное преимущество над ВКЛ (которое, впрочем, мы наблюдаем всю первую половину XVI в. — сражения проигрывались и выигрывались, но вектор территориальных захватов был однозначно направлен из России на Запад). Это объясняется именно большим военным потенциалом России по сравнению с ВКЛ, которое испытывало большие трудности при мобилизации шляхетского ополчения.

Таким образом, подытоживая, можно подчеркнуть несколько принципиальных выводов: 1) при расчетах численности вооруженных сил надо учитывать их более сложную структуру комплектования и функционирования, чем в предлагаемой схеме «комбатанты» — «не комбатанты»; 2) численность армии менялась по годам в зависимости от военно-политических задач, решаемых в данном году, и в XVI в. не была стабильной величиной; она то увеличивалась, то уменьшалась; 3) в связи с этим особое значение приобретает понятие мобилизационного потенциала вооруженных сил, но он трудноустановим как из-за отсутствия четких данных о социально-демографической ситуации, так и из-за размытости критериев определения этого потенциала (как, скажем, в случаях с гарнизонами городов, холопами-послужильцами, даточными людьми и вообще в любой ситуации мобилизации *ополчения*). Вряд ли можно говорить, что достаточно точно установить размеры дворянского конного ополчения — и это и будет мобилизационный потенциал.

Что хотелось бы поддержать — тезис А. Н. Лобина о сознательном введении противника в заблуждение о численности войск. На наш взгляд, полемика А. Н. Лобина с М. М. Кромом заходит в тупик: Лобин считает, что пленник Хрущов «не мог знать», Кром — «что мог знать»; Лобин — что Хрущов искусно мистифицировал противника, то есть исполнял благородную роль лазутчика-дезинформатора, Кром — что Хрущов выложил врагам всю правду. Поскольку данные взгляды основаны исключительно на *впечатлениях* авторов о том, как трактовать протокол допроса Хрущова, здесь, если не будут найдены новые документы, мы навсегда останемся в плену гипотез.

Но несомненно, что случаи сознательной дезинформации со стороны русского командования были. Об этом есть прямые свидетельства. Например, обратимся к истории русского январского похода 1558 г. в Ливонию. Ф. Ниенштедт и А. Курбский говорят о 40 000-ной армии, Иоганн Реннер — о 64 700 воинах²⁸. Интересно, что Реннер при этом ссылается на данные трофейного документа. Судя по описанию, это воеводский разряд похода 1558 г. (аналогичный известным нам разрядам походов 1563 и 1577 гг.), который ливонцы отобрали у попавшего в плен «смотрителя» (*munsterschriver*) русского войска. Реннер пишет, что в документе были вначале написаны имена бояр, а потом — сколько у каждого командира войска. И этот текст якобы приводил «точную» цифру в 64 700 воинов!

²⁸ Renner Johannes. Livländische Historien 1556–1561 / Zum ersten Mal nach der Urschrift hg. v. Peter Karstedt (Veröffentlichungen der Stadtbibliothek Lübeck N. R. Bd 2). Lübeck, 1953. S. 16.

Э. Тиберг, подвергнув эти сообщения справедливой критике, вывел гораздо более реальную цифру в 8000²⁹. О количестве войска можно судить только по косвенным указаниям. В частности, нам известно число голов. В большом полку было 13 голов³⁰, в полку правой руки — 7³¹, в передовом полку — 8³², в сторожевом полку — 5³³, в полку левой руки — 5³⁴. В среднем под началом головы в русской коннице XVI в. обычно находилось от нескольких десятков до нескольких сотен человек — точное число вряд ли было фиксированным, но, видимо, колебалось от 50–100 до 200–300. Приняв за максимальное количество 300 человек, получаем: в большом полку 3900, в полку правой руки — 2100, в передовом — 2400, в сторожевом — 1500, в полку левой руки — 1500. К этому надо добавить семь отрядов служилых татар, расчеты полевой артиллерии, обозников и т. д. Итого в ливонском походе 1558 г. участвовали от 4000 до 11 000, цифра, приводимая Э. Тибергом, является средней. То есть русская разведка, подбросив врагу хорошо сфабрикованный документ, завысила размеры войска от 6 до 13 раз!

Если цифра в 64 700 была бы верна, то мы видели бы эти войска в деле. Между тем, при описании конкретных боевых действий эти многочисленные тысячи не фигурируют ни в одном из известных нам эпизодов похода 1558 г. Везде упоминаются отряды в десятки и сотни человек. И. Реннер, описывая бой под Везенбергом 9 февраля 1558 г., говорит, что в битве одному ливонскому отряду в 150–200 человек противостояло четыре русских, и количественное соотношение при этом было один к трем. Значит, в четырех отрядах было примерно 600 человек — от 100 до 200 в отряде. По всей видимости, это и были боевые единицы, подчиненные головам³⁵.

Если данные наблюдения подтверждают выводы А. Н. Лобина, то одно положение его статьи вызывает сомнения: тезис о повышении количества пехоты в русском войске к концу XVI в. Ему нет подтверждения — появление на поле боя больших пехотных масс изменило бы тактику боя, и в Европе это четко видно на примере пикинеров и аркебузиреров эпохи «военной революции». Но что меняется в тактике русской армии к концу XVI в., если в ней настолько вырос удельный вес стрельцов? То, что мы знаем о приемах ведения боя русской армией в полевых условиях, не подтверждает наличия каких-либо существенных изменений в этих приемах до XVII в., появления полков «нового строя», и т. д. Поэтому этот тезис А. Н. Лобина, на наш взгляд, нуждается в дополнительных доказательствах.

На мой взгляд, очень важно поставить еще один вопрос. Если суммировать мнения, прозвучавшие в дискуссии, то получится: есть источники — документальные и нарративные. Они содержат информацию о количественном составе русской армии, причем информацию разной степени достоверности: от адекватной до абсолютно фантасти-

²⁹ *Tiberg E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges: Die Beziehungen zwischen Moskau und Litauen 1549–1562. Uppsala, 1984 (Acta Universitatis Upsalensis. Studia Historica Upsalensia. Bd 134). S. 131–132.*

³⁰ Князя: И. Мавкошев, В. И. Барбашин, А. И. Ярославов, П. Ф. Тростенский; дети боярские: Р. Г. Плещеев, Ю. А. Пильемов, В. М. Безобразов, У. В. Чоглоков, М. Б. Чоглоков, Ф. Шафер Б. Чоглоков, Н. З. Чоглоков, А. И. Новокшенов, С. Ф. Нащокин (Разрядная книга 1475–1695 гг. М., 1981. Т. 2. Ч. I. С. 19).

³¹ Князь Н. Б. Примков-Ростовский, дети боярские: А. Ф. Бутурлин, Г. П. Вислоухов-Сабуров, Ф. С. Усково, Г. И. Заболоцкий, И. В. Шестов, А. И. Соловцов (Там же).

³² Дети боярские: Б. Ю. Сабуров, П. Б. Вышеславцев, Ф. Г. Сназин, В. А. Вишняков, С. А. Вишняков, Л. Алтуфьев, В. Алтуфьев, Д. Ф. Шефериков-Пушкин (Там же. С. 20).

³³ Князь Д. В. Кропоткин, дети боярские: Б. С. Колычев, В. В. Розладин-Квашнин, Н. Г. Яхонтов, Д. К. Непецын (Там же).

³⁴ Дети боярские: Н. Ф. Колычев, В. Ф. Колычев, Ф. И. Лыков, А. В. Левашов, П. А. Поярков (Там же).

³⁵ *Renner Johannes. Livländische Historien... S. 20.*

ческой. Поэтому наша задача — найти и осуществить правильную процедуру верификации. Для этого кто-то предлагает считать воевод, кто-то — голов, кто-то — соотносить с размерами поместного землевладения, и т. д. Однако мало кто попытался дать ответ на вопрос — а почему источники содержат именно такие цифры? И что означает неточность цифр в источниках для характеристики военной культуры эпохи?

А. И. Папков справедливо заметил, что нельзя просто зачеркнуть все данные летописей, ссылаясь на провиденциализм летописца. Ссылка на провиденциализм вообще вещь очень удобная — на него можно списывать все, что не поддается объяснению в древнерусских текстах. Следует согласиться с М. М. Кромом, что эти в большинстве случаев, видимо, действительно неточные данные были реальностью для своей эпохи, для мировоззрения XVI в. На их основе принимали решения политики и полководцы, создавался облик страны и публичное мнение о ней. Хотя, наверное, исследование вопроса, почему в нарративе фигурируют именно такие цифры — это отдельная материя, имеющая косвенное отношение к тому, каким «на самом деле» было русское войско в XVI веке.

Лобин А. Н. (Санкт-Петербург). Прежде всего я хочу выразить слова благодарности всем участникам настоящей дискуссии по одному из важных вопросов военной истории XVI в. Собственно, сама полемика была организована с целью привлечь внимание историков к обсуждению проблемы численности вооруженных сил.

Исходя из полученных ответов на мою статью, можно сказать, что дискуссия удалась. Удалась, прежде всего, наличием у оппонентов совершенно диаметрально противоположных точек зрения. Одни (О. А. Курбатов) критикуют меня за завышение численности, другие (М. М. Кром, В. В. Пенской) — наоборот, за преуменьшение.

Каждый высказал ряд ценных замечаний и мнений по тому или иному вопросу, связанному с численностью русского войска. Я позволю себе выделить ряд проблем и дать ответ на отзывы участников дискуссии.

Проблема состояния источниковой базы и достоверности источников. Всеми участниками дискуссии подмечена крайняя скудность источников по изучению численности вооруженных сил Русского государства. Но напрасно меня обвиняют в гиперкритицизме, в том, что я полностью отказываюсь от нарративных источников (М. М. Кром, А. И. Папков). Из текста моей статьи следует, что особого внимания заслуживают сообщения, в которых отразились какие-либо разрядные записи, в том числе так называемые «походные дневники», поэтому полностью отказываться от анализа нарративных источников нельзя. Но в тех случаях, когда летописец или «очевидец» использовали цифры, взятые не из документов, а из слухов или собственного воображения, я считаю, исследователь не может полагаться на повествовательные материалы.

А. И. Филюшкин призвал осуществить «правильную процедуру верификации» источников. Но в большинстве случаев повествовательные материалы не проходят проверку на достоверность. Вопрос: «почему источники содержат именно такие цифры?», конечно же, является важным, но все же выходит за рамки нашей темы и переходит в область источниковедческую. В нашей дискуссии главное место занимает вопрос: «Какие источники можно использовать при оценке размеров вооруженных сил?». Например, как показало исследование, к агентурным данным и допросам пленных надо относиться с большой осторожностью. А. И. Филюшкин говорит, что дискуссия на эту тему (по поводу сведений пленного Хрущова) между мной и М. М. Кромом относительно достоверности допросов пленных «заходит в тупик». По этому поводу осмелюсь высказать ряд мыслей.

Тексты наказов («ты б тем головам и станишником, и детям боярским наказывал накрепко: ково из них на поле возмут...») ратным людям сохранились только позднего времени, от конца XVI в., да и те относятся к южному театру военных действий. Для татар, собственно, какие-либо числовые данные о русских ратях не играли особой роли. При используемой тактике «загонов», небольших отрядов для разорения окрестностей, главное, что заботило кочевников, — не перекрыты ли переправы, броды, «перелазы», тропы, дороги. Иначе набег терял свою внезапность. Поэтому в наказах отсутствуют числовые данные, конкретика. Кстати говоря, еще один образец инструкции, как вести себя в плену, идентичный наказам 1595 и 1617 гг., был обнаружен в Разрядной книге 1638 г. На этот раз она была дополнена уже включением полков «нового строя» — солдат, драгун, рейтар³⁶.

На западном театре военных действий европейцев интересовало другое, а именно сведения о коннице, огнестрельной пехоте (пищальниках) и орудиях. Характер боевых действий здесь был иным, и эти данные играли важную роль. Следовательно, и мероприятия русской стороны должны были быть направлены на дезинформацию в отношении тех сведений, которые особо интересовали противника. Поэтому вариант наказов ратным людям на западном фронте мог содержать и какие-то ложные данные о численности. Хочу здесь остановиться подробнее.

Итак, с одной стороны М. М. Кром доказывает, что В. Хрущов (даже не командир подразделения) состоял при воеводе, следовательно, имел доступ и к данным о численности. Однако тут же исследователь оценивает численность новгородско-псковского войска в «более чем 20 тыс.» и считает оценку Хрущова «завышенной»: «реальная численность преувеличена раза в полтора-два!» А вывод из этого может быть только один: либо луцкий помещик вводил в заблуждение допрашивающего, либо он *не знал* даже приблизительной численности войска. Хрущов *мог* знать точно состав своего луцкого отряда (300) и своего полка (1500) — он называет их точно, но *не мог знать* численность всей армии — поэтому и назвал цифру, услышанную, очевидно, от воеводы (это признает и М. М. Кром) — 50 000.

Проверить показания В. Хрущова можно еще одним способом. Имеются свидетельства о численности одного из соединений новгородско-псковской рати. Согласно разрядам, в декабре 1534 г. был сформирован воинский контингент из 10 воевод под командованием кн. Б. И. Горбатого. В передовом полку новгородской рати были воеводы М. М. Курбский и Д. Ф. Палецкий. Но в ходе зимней кампании проходили и перемены в командовании — первого воеводу заменил И. Борбашин, его «товарищем» оставлен Д. Ф. Палецкий, кроме того добавлен еще и третий воевода — В. Розладин-Квашнин. Взятые в плен в мае 1535 г. дети боярские, четыре человека, в том числе и упомянутый В. Хрущов, показали не только место оперативного развертывания передового полка, но и назвали его численность и командный состав:

...напротив тех людей литовских вышли были з Лук воеводы: князь Иван Иванович Борбошин, а князь Дмитрей Федорович Палецкой, а Василей Розладин Квашнин *з людьми новгородскими, которых на Луках при нас было полторы тысящи*³⁷ (выделено мной. — А. Л.).

³⁶ Разрядная книга 1637–1638 года. М., 1983. С. 15.

³⁷ Список расспросных «речей» детей боярских, взятых в плен под Полоцком // ПИВЕ. Т. VI. № 55. С. 134. — Ср.: 1535 г., май (?). Протокол допроса гетманом Ю. М. Радзивиллом пленного луцкого помещика В. И. Хрущова // Там же. № 57. С. 137.

Итак, три воеводы передового полка, среди которых и наместник Новгород-Северского И. И. Борбашин, имели под своим началом *всего* 1500, т. е. по 500 воинов в среднем на воеводу. Следовательно, двое воевод в декабре 1535 г. вряд ли могли иметь больше воинов.

Это согласуется с численностью передовых полков как в первой половине, так и в третьей четверти XVI в.³⁸ При чем были передовые полки в походах еще меньшей численности, как, например, в 1508 году:

...в передовом полку князю Василью Васильевичу Шуйскому людей у себя оставить из своих людей, которые у него, 500 ч. голов детей боярских, опричь тех, которые с ним были князи и дети боярские из двора и из городов; тех ему всех отдати князю Василью Даниловичю да князю Олександру Володимировичю, и они себе тех людей поделят сами³⁹.

Отмечу, что передовой полк по иерархии и численности «полков» стоял на втором месте после большого полка – даже в большинстве случаев выше полка правой руки. Если *одно* из *пяти* (с учетом сторожевого полка) соединений насчитывало 1500, то зададимся вопросом: могло ли *все* новгородское войско состоять из 50 000 (показание В. Хрущова) или 40 000 (свидетельство Нипшица), или «более 20 000» (расчет М. М. Крома)? Исходя из показателя численности одного соединения, можно предположить, что новгородско-псковская рать состояла *максимум* из 5000, а численность всей группировки из 24 воевод была не более 12 000.

К тому же уважаемый оппонент по каким-то причинам не использует свидетельства беглых дьяков, чьи показания он же и опубликовал. До зимнего похода (сентябрь) беглые работники псковской канцелярии, люди сведущие, точно показали, сколько человек в гарнизонах: Порхов — 500 детей боярских (из них 300 послано на Луки Великие), Красный — 30 детей боярских и т. д.⁴⁰ Во Пскове на тот момент из 100 детей боярских осталось 30⁴¹. Здесь мы не видим крупных воинских контингентов поместной конницы. Эти данные по гарнизонам согласуются с более поздними документами.

В своей статье я высказался определенно и готов повторить: по моему мнению, в исследовании численности русского войска разряды, немногочисленные акты (прежде всего акты служилых землевладельцев), писцовые описания и нормативные документы (Уложение 1556, указы и наказы) должны служить основной источниковой базой, а нарративные источники могут выполнять лишь вспомогательную роль.

Проблема интерпретации источников. Среди немногочисленных документов, зафиксировавших нормы сбора поместного войска, несомненный интерес представляет Уложение о службе 1556 г., текст которого сохранился в Никоновской летописи. По словам К. В. Петрова, Уложение «нельзя рассматривать как современный закон», так оно

³⁸ Как мы уже указывали, в смоленском походе 1514 г. передовой полк М. Глинского при трех воеводах, по польским сведениям, насчитывал 1000 всадников. В крупных походах 1558–1559 гг. в передовом полку у каждого воеводы было по три головы, т. е. по 300–600 воинов.

³⁹ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 43.

⁴⁰ [1534 г. сентября 12]. Список расспросных «речей» псковских беглецов — дьяка Родивона, Гриши и Тонкого — о положении в Московском государстве // ПИВЕ. Т. VI. № 46. С. 115

⁴¹ Да и количество пищальников, выставленных псковичами в поход, не исчислялось тысячами. В первый поход на Смоленск Василий III предписал псковичам выставить 1000 пищальников — «и тот рубеж не за обычей, и бысть им тяжко вельми» (ПСРЛ. М., 2000. Т. 5. Вып. 2. С. 259).

было не догмой, а «лишь указанием к действию для окладчиков при проведении смотров служилых людей».

Здесь я солидаризируюсь с мнением И. Б. Михайловой: реформаторы середины XVI в., опираясь на традицию, оставили прежними принципы самовооружения ратников и поставки ими с земельных владений зависимых людей⁴². Фразы: «А по уложенью взяти с него з земли ... ч.», «и передал ...», «не додал...» из «Боярской книги 1556/57 г.» и других документов говорят о том, что изначально Уложение являлось не столько указанием к действию, сколько закрепленной *нормой*. Именно по этой норме и был устроен государем Серпуховский смотр 1556 г., который должен был продемонстрировать, «кто ему как служит». Поэтому в моделировании численности отчасти можно отталкиваться от Уложения 1556 г. При этом надо принимать во внимание многочисленные факты как перевыполнения, так и невыполнения нормы.

Важный вопрос — подсчитаны или нет боевые холопы в записной «Книге Полоцкого похода 1563 г.»? — так и останется, на мой взгляд, на долгие годы дискуссионным. Некоторым участникам дискуссии (О. А. Курбатов, А. И. Филюшкин) представляется, что холопы-послужильцы были включены в разряд 1563 г. Действительно, при анализе книги на первый взгляд вызывает удивление численность некоторых дворянских корпораций в походе, например, боровчан: 780 дворовых и городовых, плюс 80 «вятчан с Боровска». Кажется, что в столь малом уезде не может быть столько дворян, следовательно — здесь они объединены с боевыми холопами.

Однако что мы знаем о развитии поместно-служилой системы в Боровском уезде в XV–XVI вв.? До конца XV столетия Боровск (ранее принадлежал к Серпуховскому уезду князя Василия Ярославича, с 1456 г. входил в состав великого княжения) активно принимал участие в походах великого князя. По меркам того времени, он был достаточно крупным служилым «городом». Им даже управлял наместник — В. Ф. Образец, вместе с которым «боровичи» и «боровская рать» ходили на Новгород и Вятку. Сам Боровск — частое место сосредоточения армий во время походов⁴³. Причем в походах боровчане шли отдельно с наместником во главе «у себя в полку».

Предполагаю, что значение Боровска как служилого «города» возросло после 1489 г., когда князь «со многой силою» ходил на Вятку, после чего многих «вятчан земских людей в Боровске да в Кременце посади» и «земли им подавал»⁴⁴. На постоянное местожительство в Боровский уезд были переселены помещики непокорной Вятской области. Количество переселенных было немалым. Надо сказать, что сама Вятка в дальнейшем поставляла значительные воинские контингенты — в 1563 г. «в полы прежнего наряду» собрано 500 детей боярских, и 15 пищальников.

Кроме этого, по-видимому, в традицию вошла служба вятчан в Боровске. В «Книге Полоцкого похода», скорее всего, упомянуты и сами боровчане, и обосновавшиеся выходцы из Вятки, а также 80 вятчан, служивших в Боровске. Еще один момент — в ней не указаны кременчане, поэтому можно предположить, что в разряде 1563 г. они вошли в состав боровичей. Прецедент мы имеем — в битве при Молодях кременчане также не встречаются, но в росписи голов указано: «З боровичи и с кременчаны Михайло Иванов сын Внуков».

⁴² Михайлова И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века: Очерки социальной истории. СПб., 2003. С. 64.

⁴³ ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 200.

⁴⁴ ПСРЛ. М., 1965. Т. 12. С. 221; Т. 6. Вып. 2. С. 326.

До 1630-х гг. служилый «город» Боровска прошел через множество испытаний: разорительная Ливонская война, «великий глад» 1601–1603 гг., жуткое опустошение в Смуту, когда через уезд ходили Лисовский, Чаплинский и Опалинский, а потом «вконец разорил» гетман Сагайдачный. Все это могло сказаться на том, что численность боровчан в войске упала в разы.

И мне кажется, слишком рано говорить о полноте данных Каширской десятины 1556 г. (О. А. Курбатов). Проблема в том, что требуется более глубокий анализ содержания этого ценного документа. В частности, в свое время М. Г. Кротов, сопоставив указатели по десятинам 1788–1791 гг. и выписки Разрядного архива с упомянутой десятиной, обнаружил, что, например, в публикации «...отсутствуют некоторые лица; больше всего пропусков на последних листах (по 5–7 фамилий)»⁴⁵, т. е. десятина к моменту публикации Е. Гуляевым уже была неполной. Не знаем мы изменений в составе служилого города в течение 1557–1562 гг., например, сколько поверстано из новиков и сколько поверстано в новики.

В отношении численности новгородских помещиков О. А. Курбатов использует неполные данные С. Б. Веселовского — до 2000. Но М. М. Кром, в свою очередь, привел вычисления Г. В. Абрамовича — до 6000. Так что ситуация с новгородской ратью не столь однозначна.

Наиболее важным аргументом в пользу того, что послужилцы не подсчитаны в «Книге Полоцкого похода», является сама форма записи, например: «детей боярских (таких-то) дворовых (столько-то), городских (столько-то)» или «помещиков (таких-то) дворовых (столько-то), городских (столько-то)» (применительно к новгородско-псковским землям). В перечне участвующих служилых городов ни о каких боевых слугах не упоминается, а предположение, что дьяки на протяжении 1560–1600-х гг. с завидным постоянством записывали всех холопов в разряд «детей боярских... дворовых... городских», на мой взгляд, является нонсенсом. Это фактически приравнивание, в эпоху местнических традиций и «боярской чести», гордых воинов-помещиков к послужилцам, кошевым и холопам! Дьякам ничего не стоило приписать фразу «с людми» (к примеру: «детей боярских дворовых 55 ч. с людми» и т. д.), но, однако, они этого не делали. В чем причина? Почему «люди» татарских и горских» князей упоминаются, а дворянские «люди» — нет?

Мне представляется очевидным, что разрядные дьяки четко разграничивали хозяев и слуг. На смотрах указывали «детей боярских с людми», заносили в сметные списки, на основе которых потом и были составлены известные нам росписи XVI в.

Из слуг могли создавать отдельные сводные отряды во главе с детьми боярскими, их могли записать в списки вместе со стрельцами и казаками (как пример — штурм Ругодива в 1590 г.: «...а воеводе Семену Федоровичю Сабурову итти после х пролomu, а с ними казачей голова, а с казаки Иван Лодыженской, а с ним 400 человек; да голова стрелецкой Григорей Огарев, а с ним 350 человек; да боярских людей з головами 2380 человек»)»⁴⁶. По этой причине они и не фигурируют в Книге Полоцкого похода,

⁴⁵ К сожалению, исследование М. Г. Кротова, выполненное под руководством А. Л. Станиславского, так и не получило дальнейшего развития (Кротов М. Г. Десятни XVI – начала XVII вв. как исторический источник: Дипломная работа. М., 1982 // http://www.krotov.info/yakov/5_hist/desyatni/dipl1.html. Последнее посещение 09.01.2008).

⁴⁶ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. III. Ч. II. М., 1984. С. 159.

также как и казаки и стрельцы. В перечисленных сотнях на 1563 г. попросту нет места холопам, например: «Со князем Васильем Барбашиным столников 4 ч., стряпчей 1 ч., жильцов 7 ч., выборных 15 ч., дворовых из городов 15 ч., Коширян городовых 157 ч. И всего 200 ч.».

То же самое видно и в росписи войска 1604 г. — в ней говорится *только* о детях боярских, а в некоторых случаях отмечены поименно помещики, которые не участвовали в походе, а прислали вместо себя конных боевых слуг⁴⁷. Всего, по подсчетам Р. Г. Скрынникова, 507 помещиков прислали 2252 послужильца. И этот факт отмечен. В отношении других везде фигурируют «дворяне» и «дети боярские» в числе 13 137.

Если в 1656–1658 гг., по словам О. А. Курбатова, в новгородских смотренных списках «под термином “дворяне и дети боярские” стабильно подразумевали еще и земцев, а также даточных людей со вдов и недорослей», то у нас нет никаких оснований считать, что подобная практика была и в 1562/63 г. Сравнить ситуации, разнесенные почти через 100-летний разрыв, 1563 и 1654 гг., годы апогея и упадка поместной системы, не совсем корректно. Между этими годами — период, когда дворянское ядро утрачивает не только свое количественное преобладание, но и «место» в русской армии.

К тому же — одно дело, когда смотренный список составляется на периферии каким-то дьячком или подьячим, который оценивал реальное число потенциальных воинов, и совершенно другое, когда московские дьяки составляли на основе имеющихся данных книгу похода, имевшую местнический характер.

С вышеуказанной проблемой непосредственно связана и проблема определения количества воинов в *сотне*. Взятый мною для середины – второй половины XVI в. показатель 200 воинов, конечно же, условный и рассчитан с учетом боевых холопов. Этот показатель вызвал серьезные возражения О. А. Курбатова. По его мнению, сотни насчитывали до 100 бойцов.

Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что в приведенных историком примерах речь идет *только* о детях боярских. Поэтому наличие в сотне 100–200 воинов, с учетом боевых холопов, вполне возможно для 1550–1570-х годов. Конечно, для конца XVI – начала XVII вв. этот показатель должен быть снижен «до номинала» ввиду невозможности для помещиков выставлять слуг в результате экономического кризиса.

Проблема терминологии и типологии. Как показало обсуждение, вопрос использования того или иного термина может напрямую влиять и на результаты подсчета. Я предложил четко отделить вооруженные силы от вспомогательных сил. Большинство участников дискуссии (К. В. Петров, О. А. Курбатов, Н. В. Смирнов, Б. Дэвис) поддержали такое разделение на *комбатантов* и *некомбатантов*. Были высказаны мнения также о выборочном (В. В. Пенской, А. И. Филюшкин) или полном (М. М. Кром) включении некомбатантов в разряд войска.

Я полагаю, если мы будем включать последних в вооруженные силы, то все методики подсчета будут терять смысл. Во-первых, по документам невозможно подсчитать их число. В случае экстренной «мобилизации» для подвоза боеприпасов и фуража, для обустройства дорог, гатей и т.д. могло быть призвано из крестьян значительное число мужчин «призывного возраста». Тогда в мобилизационный ресурс следует вклю-

⁴⁷ Боярские списки последней четверти XVI-го – начала XVII-го вв. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. II. С. 25–93.

чать почти все мужское население страны — любой из них мог выполнять функцию посошного.

Во-вторых, в случае вторжения войск противника крестьяне вполне могли за плату или в принудительном порядке участвовать в транспортировке его обозов и артиллерии. Как нам поступать в этом случае? Вычеркивать их из состава «вооруженных сил» одного государства и включать в состав другого?

В-третьих, войска XV–XVI вв. — это не армии XVIII–XIX вв. с организованной «магазинной» системой обеспечения, полевыми кухнями, ремонтными мастерскими. Нет никаких оснований проводить параллели с организованными структурами времен «войн в кружевах», считать число «едоков» и «сабель», как предлагают В. В. Пенской и М. М. Кром. Число небоевого элемента для XVI в. — показатель настолько «плавающий», что вычислить его невозможно, и требование «считать нужно всех» невыполнимо.

Подсчет количества *вооруженных сил* (т. е. числа лиц, состоящих или обязанных состоять на службе, обученных военному делу) я считаю более перспективным занятием, нежели подсчет абстрактного *мобилизационного потенциала*. Ведь в его состав можно включить также десятки тысяч посошных, посадское и крестьянское население, и, если строить абстрактные конструкции, даже женщин с дреколём, сражавшихся наравне с мужчинами на городских стенах.

А вот вопрос, считать ли кошевых холопов боевым элементом, останется спорным. Соглашаясь с замечанием Н. В. Смирнова об их относительной боеготовности, отмечу, что при сравнительном анализе, к примеру, с армией Речи Посполитой их следует, так же как и «обозную челядь», относить все-таки к вспомогательным войскам.

А. И. Беляков высказал замечание, что в рассуждениях о численности русской армии XVI в. служилых татар «не следует отделять от поместной конницы». Здесь мы опять сталкиваемся с проблемой терминологии. Несомненно, «служилые иноземцы» (татары и проч.) имеют ряд схожих черт с поместной конницей. Однако я бы поостерегся смешивать эти два понятия. Дело в том, что историографическая традиция под «поместной конницей» подразумевает совершенно определенную сословную группу — служилых людей «по отечеству», ратников «сотенной службы», дворян и детей боярских. Критериями выделения поместной конницы считаются форма материального обеспечения (поместное землевладение) и территориальный принцип службы (служилые города). Она имеет ряд отличительных особенностей, среди которых можно назвать иерархию и местничество, наличие окладчиков и сотенное деление.

На мой взгляд, даже с большой натяжкой служилые иноземцы XVI в. могут подпадать под данное определение. В противном случае необходимо любую конницу причислять к поместной, как это делали некоторые историки. К примеру, Д. Масловский относил к поместным войскам и поместную полевую конницу, и городовые войска, и стрельцов, и иноземцев⁴⁸. И, тем более, грубейшей ошибкой было бы причислять западноевропейских наемников XVI–XVII вв. к поместной коннице.

Проблема изучения структуры вооруженных сил. Здесь представляют особый интерес наблюдения О. А. Курбатова. Я согласен с его выводами о времени появления сотенного звена поместной конницы, о «легких ратях» и воеводах. При этом, на мой

⁴⁸ Масловский Д. Поместные войска русской армии в XVII столетии // Военный сборник. 1890. № 9. С. 8.

взгляд, нужно осторожно относиться к росписям полков — и крупное, и мелкое войско могло включать в себя по традиции по четыре-пять полков. В этом случае определенным «детектором» размеров рати может стать местнический статус того или иного воеводы.

Вопросы управления, материального и продовольственного обеспечения больших конных масс затронуты в отзыве Б. Дэвиса. Сторонникам «тьмочисленности» придется ответить даже не на один, а на несколько вопросов. Каким образом на поле осуществлялось управление столь большими конными массами? Как могло осуществляться снабжение продовольствием и фуражом многотысячной группировки? Как при неразвитой дорожной системе (наличие немногочисленных одноколейных дорог) войска могли передвигаться? Б. Дэвис здесь уместно привел мнения Монтекуколи и Тюренна об оптимальном размере армии до 50 000. Но следует отметить, что это утверждение относится к XVII–XVIII вв., к Западной Европе с ее развитой дорожной системой и более совершенной, по сравнению с XVI в., военной организацией.

А. И. Филюшкин заметил, что я «практически прошел мимо *даточных людей*». Замечу, что даточные с равным успехом могли использоваться и в инженерных работах, и в военных операциях. Как о реальной боевой силе о них можно говорить только с конца XVI – начала XVII вв., когда тяжелый кризис вынуждал пополнять войско за счет крестьян. До этого времени их доля в войске была ничтожна, поэтому число даточных не влияет на общие показатели. Собирались они даже не со 100, а с 500 четей. В 1572 г. было велено

...имати с бояр и со князей и з детей боярских людей с пищальми с пятьсот чети человека с пищалью, с тысячи чети дву человек с пищальми. Да, поймав, тех людей с пищальми розписать по головам особно, опроче детей боярских⁴⁹.

Нормы сбора даточных были пересмотрены в 1601 г.:

...и были б все людны и конны... и даточные б люди у всех были з земель и с поместий и с вотчин сполна, со ста четвертей по человеку по конному да по человеку по пешему с пищальми⁵⁰.

Несовершенство существующих методик вычисления размеров вооруженных сил. Очевидно, что все существующие сегодня методики несовершенны. Например, еще раз обратимся к способу подсчета, предложенному М. М. Кромом. Корректно ли на первый план ставить статистические методы, без предварительного анализа данных на предмет их достоверности? Какие пределы визуальной оценки существуют? Как эти сведения согласуются с делопроизводственными документами? И, наконец, не имеют ли эти, на первый взгляд, независимые сведения *один источник информации* — слухи, недостоверные данные, сознательную дезинформацию заинтересованной стороны? Без ответа на эти вопросы методика М. М. Крома не может быть признана эффективной.

Не могу не привести здесь еще один пример относительно битвы под Оршей 1514 г. Канцелярия Сигизмунда распространила сведения о «великой победе»: 80 000-ная армия «москвитов» потеряла 30 000 убитыми и 1500 пленными. В разных городах — Венеции, Риме, Нюрнберге, Кракове — в 1514–1516 гг. было отпечатано огромное количе-

⁴⁹ Буганов В. И. Документы о сражении при Молодях // Исторический архив. 1959. № 4. С. 169.

⁵⁰ Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985. С. 61.

ство реляций, в которых уже тогда первоначальные сведения стали искажаться в сторону преувеличения. В трудах некоторых польских хронистов (М. Стрыйковского, И. Деция, М. Бельского) можно встретить уже 40 000 убитых и до 2000 пленных. Неверно истолкованные из белорусско-литовских летописей сведения попали даже в некоторые летописцы, например: «И одолеша литовские воеводы, побиша и поимано 80 000 голов» (sic!)⁵¹.

Так вот, если все эти, на первый взгляд независимые, нарративные источники (принадлежащие разным государствам!) будут сопоставлены «на предмет выявления взаимосвязи между сравниваемыми величинами без каких-либо предварительных условий», то обнаружится корреляция с «небольшой погрешностью» (в пределах 10 000 убитыми и 500 пленными), что должно свидетельствовать о достоверности. Именно так и делает уважаемый М. М. Кром.

Однако с точки зрения источниковедения такой прием совершенно недопустим. Где гарантия того, что Фербер, Дантышек, Нипшиц и пленные не черпали сведения из дезинформации, которую распространяло русское командование? К сожалению, отвечая на мою критику, М. М. Кром так и не уточнил своей позиции относительно предложенного мною количественного показателя для расчета численности полевой армии. Мне было бы небезынтересно узнать мнение уважаемого коллеги.

В. В. Пенской пошел по пути выявления размеров войска через численность народонаселения. Но я уже отмечал — такая методика предусматривает слишком много допущений. Я нахожу такие вычисления оригинальными, но достаточно уязвимыми. Прежде всего, наличие целой цепочки предположений ставит под сомнение полученные результаты: *предполагается* 8 000 000 — численность Российского государства в первой половине XVI в., *выявляется* мужское население, «отбрасывается» какое-то количество посадских, черносошных и принадлежащих церкви крестьян, а затем из полученного результата в «650–800 тыс. крестьянских хозяйств» *выделяется* количество поместного ополчения — 65 000–70 000. Цифра эта, по-моему мнению, слишком велика.

Пример с формулой «25 000 x 3=75 000», вызвавший у М. М. Крома «ряд недоуменных вопросов», был приведен с целью показать, в первую очередь, несостоятельность прямых математических расчетов с заданными величинами (1 дворянин и 3 слуги). Даже не имея на руках данных писцовых описаний XVI в., можно смело утверждать: 7,5 млн четей помещичьих хозяйств, притом «доброй земли» (или, как зафиксировано в Никоновской летописи, «добрые угожей земли») — цифра за гранью реальности, она включает в себя территории, равные по площади 23-м новгородским хозяйствам!

Кроме того, в построении существующих методик хочется отметить проблему *личностных восприятий* о размерах войск, которая влияет на оценки численности, не дает исследователю перейти определенные рамки. К примеру, в нашей дискуссии я заметил, что М. М. Кром исходит из каких-то априорных соображений относительности определения «большого» и «небольшого» войска. Так, под Оршей 1514 г. у него рать «сравнительно небольшая». Для XVII, и даже XVIII, а тем более уж для XVI в., 10 000–12 000 — это *очень существенные, крупные* силы. Корпуса меньшей численности (до 10 000) активно действовали при Алексее Михайловиче в 1654–1667 гг. В. Б. Шереметев в 1654 г.

⁵¹ *Корецкий В. И., Б. Н. Морозов.* Летописец с новыми известиями XVI – начала XVII в. // Летописи и хроники. М., 1984. С. 211.

осаждал Витебск, в 1656 г. А. Н. Трубецкой брал Дерпт. Меньшим числом ратных людей располагал воевода И. Хованский в битве при Полонке 1660 г., которая заняла место в польской историографии как «великая» и «решающая» битва. Серьезным поражением была капитуляция почти 13 000-го корпуса В. Б. Шереметева на Украине в том же году.

В документах XVI–XVII вв. можно найти немало примеров, в которых рати до 10 000–15 000 современниками оценивались как большие. Поэтому у меня вызывает удивление рассуждение М. М. Крома, что в кампании 1535 г. «10 000-ное войско едва ли решилось бы на самостоятельный рейд вглубь вражеской территории». Рейды с глубоким вторжением на территорию противника даже с небольшими силами осуществляли как русские, так и литовские отряды. Вспомним походы Филона Кмиты Чернобыльского в Ливонскую войну или полковника Лисовского — в Смуту.

Предложенная нами методика подсчета голов для определения размеров армий основана на источниках документального характера. Количество голов в полках — важный количественный показатель размеров войска. Соглашусь с участниками дискуссии, что этот показатель весьма условный, и единственно, что можно сделать с его помощью, — *красной линией очертить верхний, самый максимальный предел армии*. Но такой подход в значительной степени помогает отместить в каждом конкретном случае те нарративные источники, которые пестрят известиями о «тмочисленных ратях».

Предложенный мною способ определения численности армии под Оршей в 1514 г. также является условным. Он также дает верхний максимальный предел. Но в целом его одобрили В. В. Пенской, М. М. Кром, Б. Дэвис. Возражения были высказаны О. А. Курбатовым и Н. В. Смирновым.

Слишком категоричным мне кажется замечание О. А. Курбатова: «Ненаучным представляется разговор о “максимальной” оценке русских сил под Оршей (1514) без всякого намека на “минимальный” уровень». Отмечу, что возможность определения максимальной оценки численности войска — «гипотетического максимума» — позволяет ограничить размер войска до верхнего предела. Именно большинство историков предпочитают ставить «верхнюю планку». При этом надо учитывать и *адекватный ответ* — силу, выставленную противником. А вот что может нам дать гипотетический «минимальный уровень» — неясно.

Способ определения численности армии по составу служилых «городов», принимавших участие в походе, вызвал возражения и у Н. В. Смирнова: «Новгородская корпорация могла быть более многочисленной, хотя бы потому, что в 1563 г., часть их была переведена в состав дворянских корпораций “новых немецких городов”». Но надо учитывать, что за пятьдесят лет до Полоцкого похода, в начале XVI в. все еще шел процесс наделения поместьями из фондов новгородских земель, поэтому число помещиков в 1514 г. вряд ли превышало показатели 1563 г.

Принимаю в свой адрес упреки оппонентов (М. М. Крома, Н. В. Смирнова) относительно учета отрядов вотчинников в составе конницы. Но думаю, что в определении численности корпораций в походе под Оршу в 1514 г. они не слишком влияют на общие условные показатели, пределы которых — 10 000–12 000.

Курбатов О. А. (Москва). Важнейшим результатом форума стал сам обмен мнениями, который раскрыл поразительную картину: оказывается, в рамках, прямо скажем, весьма малочисленной группы историков России, изучающих XVI столетие,

существует не один или два, а множество взглядов на один и тот же вопрос о численности русского войска. Можно сказать, практически у каждого участника дискуссии — свое, в чем-то особенное мнение, и каждый может предложить собственные подходы, методики разрешения проблемы. При той противоположности оценок своей работы, с которой столкнулся уважаемый А. Н. Лобин, трудно рассчитывать на сколь-нибудь более успешный результат дискуссии, чем просто обмен мнениями и четкая фиксация позиций по важнейшим моментам со стороны каждого автора. А это означает, что проблема только поставлена, но еще слишком далека от решения: необходима гораздо более широкая и кропотливая исследовательская деятельность.

Вместе с тем нельзя не отметить слабость позиций тех оппонентов, что настаивают на более высокой планке численности русского войска, чем обозначенная у А. Н. Лобина. Расчеты, построенные на сравнении свидетельств разного рода нарративных источников (М. М. Кром) или же на гипотетическом расчете количества бойцов, которых якобы могло выставить государство при высоком мобилизационном напряжении (М. М. Кром, В. В. Пенской), при комплексной разносторонней проверке не выдерживают критики.

В первую очередь, я имею в виду реальную численность *служилого сословия*, которое невозможно выявить на основе математических вычислений. В стране существовал добрый десяток различных регионов с особенным укладом жизни и совершенно несопоставимым количеством служилых ратных людей. Такие «украины», как астраханская или тульская, состояли практически поголовно из служилых людей и членов их семей, а на Русском Севере во второй половине XVI в. гарнизоны только начинали формироваться. При этом степень участия ратных людей этих регионов в «дальних походах» на Запад подчас варьировалась от нулевой (для Астрахани) до сверхнормативной (для «зборных людей» северных уездов, не относящихся к служилому сословию).

Кроме того, В. В. Пенской явно завышает и численность населения XVI в., и его возможности по снаряжению в походы ратных людей. Даже во второй половине XVII в., когда даточный человек получал вооружение солдатского строя из казны, с 10 дворов выставлялся *пеший даточный!* Конный даточный с монастырских, церковных и помещичьих земель снаряжался по норме один человек с 50 дворов, а при напряжении сил на короткое время — с 20 или 25 дворов⁵². Кроме того, в каждом случае необходимо учитывать качество поместных земель, их населенность и т. п.

Дети боярские несли службу не только со своих земель, но и с денежного жалования, почему гораздо более состоятельными и боеспособными были «четвертчики» и члены Государева двора, чей доход лишь в малой степени зависел от состояния родового поместья или вотчины. По-моему, такой источник, как Боярская книга 1556 г., вполне убедительно показывает несостоятельность каких-либо твердых математических закономерностей между количеством земли и реальной «людностью и оружностью» свиты конкретного служилого человека. Данные этой книги относятся лишь к дворянам, тогда как городские дети боярские с небольшим количеством крестьянских дворов, оставшись без регулярного денежного жалования, постоянно рисковали попасть в число непригодных к «дальней полковой службе» помещиков.

⁵² Курбатов О. А. Из истории военных реформ в России во 2-й половине XVII века. Реорганизация конницы на материалах Новгородского разряда 1650-х – 1660-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 123–131.

Основными проблемами, препятствующими приблизиться к выяснению численности русского войска XVI в., как показала дискуссия, являются неразработанность источниковедения разрядной документации, а также недостаточный учет отечественными историками вопросов военно-практического характера — говоря словами Б. Дэвиса, «военной логистики». В отношении собственных разработок оговорюсь, что посчитал бы неуважением к участникам данной дискуссии не поделиться результатами своих недавних изысканий. Возможность установления общей численности поместной конницы 1550-х – 1580-х гг. будет получена только в результате кропотливого анализа сохранившихся разрядных росписей 1563, 1572, 1577–1584 гг., их сравнения с данными десятен, алфавитов к несохранившимся десятням, писцовых книг и прочей документации.

Способы перекрестной проверки данных о численности поместной конницы в «Записной книге Полоцкого похода» и прочих подобных перечнях, предложенные мною, встретили вполне закономерное возражение уважаемого А. Н. Лобина. В целом ничего нового кроме стремления следовать установившейся традиции при этом не прозвучало, и призыв проследить то, что называется *жизнью источника*, остался неуслышанным.

Между тем на одно только заявление о принципиальной невозможности перечислять одной строкой детей боярских и их холопов можно найти добрый десяток возражений: 1) возможно, это издавна традиционное делопроизводственное сокращение для разрядной сметы (тогда как татарские отряды «с людьми» — новинка 1550-х гг.); 2) это аналог литовским ротам (где товарищи и пахолки считаются вместе); 3) выражение «детей боярских с людьми» не позволило бы четко отделить боевых холопов от кошевых; 4) это стремление дезориентировать противника при захвате росписи (а на каждого «сына боярского» — еще по два-три холопа!), и т. п.

В конце концов, в данном случае под «детьми боярскими» могла пониматься просто численность особого рода войск — ведь включены же в их число смоленские и новгородские земцы и «вятчане», которые служат по Боровску (а скорее всего, и даточные со вдов и недорослей). Ведь и новые для XVI в. «дети боярские» «польских городов», а позднее — и Белгородского разряда, к старому служилому сословию «по отечеству» имели мало отношения.

Не соглашусь также с мнением А. Н. Лобина по поводу «безграмотности» новгородских подьячих, якобы «сокращавших» в своих заголовках даточных и земцев (списки составлялись московскими дьяками). И в частности, и в принципе не могу принять возражений автора по поводу численности отдельных корпораций: Новгород, Боровск, Кашира и Суздаль были приведены лишь как самые яркие примеры, тогда как та же закономерность прослеживается и по ряду других городов. Несомненно присутствующие некоторые частности — это вопрос особого исследования. Они не меняют общей картины.

Что же касается логистики, то ее учет и изучение вообще не в традиции нашей историографии (в отличие от западной). По мнению М. М. Крома, «мелкие» 40 000-ные конные армии могут «совершать набеги» в узких рамках «вдоль ливонской границы» — что при известном умножении дает 120 000 коней (всадники «одвуконь» плюс «в кошу»)! Преумножение армии Ивана Грозного на участке от Великих Лук до Полоцка на 15 000 конных боевых холопов (плюс обязательное увеличение «кошевых») также поднимает «конность» московского войска 1563 г. до уровня кавалерии наполеоновской «Великой армии», которая в 1812 г. с трудом продвигалась по Белоруссии двумя-тремя дорогами.

Очерк численности конных сотен, встретивший возражение А. Н. Лобина, является попыткой учесть эту самую «логистику» в частном вопросе. К сожалению, не удалось дожидаться альтернативного объяснения, почему столь различаются по численности сотни боевые и церемониальные; и как вообще один человек может командовать рассыпным строем в 300 всадников (статистический максимум, предложенный рядом авторов). В то же время в источниках оптимальным признавался отряд в 50 бойцов...

Наконец, несколько слов о методике, использованной А. Н. Лобиным для выяснения численности русской армии под Оршей в 1514 г. По моему мнению, автору следует серьезнее обосновать способ проверки правильности своих подсчетов — по сравнению с армией противника. В ряде случаев, когда размеры противостоящих армий действительно сопоставимы, это имеет смысл (подобный же способ применил О. И. Тюменцев при анализе сражений Смутного времени).

Однако в целом попытка рассуждать, отталкиваясь только от «соразмерности», лишена смысла. Например, на утверждение В. В. Пенского, что 30 000-ная московская армия не смогла бы успешно воевать на три фронта, можно ответить примером Пруссии Фридриха Великого или Германии 1914 г.: по его мнению, это столь же «нелогичные» военные системы? С другой стороны, у Бабура при завоевании Северной Индии было «всего» 12 000 всадников (1527)⁵³, и оценка русских «загонных ратей» под Оршей на таком же уровне не вызывает доверия. Если польско-литовское войско действительно превышало указанную численность, это могло просто оказаться неожиданностью для московских воевод, которые ранее никогда не сталкивались со столь великой ратью на западном направлении.

Петров К. В. (Санкт-Петербург). С большим интересом прочитав мнения всех участников, с удивлением обнаружил во многих из них общее по отношению к источникам, их характеристике и целям создания.

Первое. В своей публикации текста «Книги Полоцкого похода» К. В. Баранов допустил совершенно ничем не оправданный выбор, назвав публикуемый текст «Записной книгой Полоцкого похода». Однако это название авторское, поскольку в распоряжении исследователей нет свидетельств того, как называли подобные книги в эпоху их создания. Между тем в XVII в. в Разрядном приказе составлялись «записные книги». По этой причине, а также учитывая то, что данная книга по своей структуре, целям составления и принципам отбора известий резко отличается от разрядных книг, в моей публикации она была названа иначе: «Книга Полоцкого похода 1563 г.».

С этой точки зрения название, которое было дано книге полоцкого похода при публикации К. В. Барановым, может ввести исследователя в заблуждение, поэтому оно не казалось мне удачным. Так и произошло. А. И. Папков пишет о том, что «после ... воцарения Романовых, установилась практика ежегодного составления записных разрядных книг, и они стали более надежными источниками, в которых возможность искажения действительности сведена к минимуму». Действительно, после Смуты в Разрядном приказе стали составляться записные книги Разрядного приказа, которые, судя по содержанию, играли роль справочников для внутреннего пользования⁵⁴. Никакого

⁵³ *Бабур*. Бабур-наме: Записки Бабура / Пер. М. Салье. 2-е изд. Ташкент, 1992.

⁵⁴ РИБ. СПб., 1894. Т. 9. С. 525–576; 1886. Т. 10. С. 1–587; 1889. Т. 11. С. 1–525. — В настоящее время подобные справочники, отражающие структуру организации, с указанием телефонов, существуют во многих государственных учреждениях и органах власти.

отношения к разрядным книгам записные книги не имели. В XVII в. ежегодно составлялись лишь разрядные книги типа «подлинников». «Перечневые» разрядные книги составлялись, как и в XVI в., по истечении определенного промежутка времени. Надежность книг типа «подлинников» следует выяснять в каждом конкретном случае, процесс их составления в целом освещен в историографии.

Второе. В выступлениях участников (О. А. Курбатов, А. Н. Лобин) встречается порочная историографическая традиция — объяснять местническими причинами появление документа в тех случаях, когда его истинное назначение непонятно историкам. Каким образом «Книга Полоцкого похода 1563 г.» использовалась в местнических целях — непонятно. Тем более что никаких доказательств этому нет.

Составление смет ратных людей по полкам преследовало, прежде всего, оперативно-учетные цели, но никак не местнические. Даже разрядные книги изначально составлялись не для использования в местнических спорах — но это предмет отдельного разговора. Вообще среди столбцов Разряда можно найти массу документов, целевое назначение которых нам сейчас непонятно, но значит ли это, что они составлялись в местнических целях? Вообще, как бы это странно не звучало, но знакомство с делопроизводством в современных органах власти может многое дать для понимания организации приказного делопроизводства.

Третье. Участники обсуждения (А. Н. Лобин, О. А. Курбатов) пишут о старшинстве полков как о нечто статичном. В частности, вплоть до 1561/62 г., в 1568/69 и в 1573/74 г., передовой полк, судя по местническому положению лиц, занимающих воеводские посты, был «выше» полка правой руки, а полк левой руки — «выше» сторожевого полка. Однако в 11 случаях, за период с 1512/13 по 1560/61 гг. в Государевом разряде помещены росписи с иным порядком: полк правой руки, передовой полк, сторожевой полк, полк левой руки⁵⁵. Иначе говоря, ситуация со старшинством полков не настолько однозначна, как это представляется.

С другой стороны, не численность полка зависела от его воевод, как пишет об этом О. А. Курбатов, а назначение лиц на пост воеводы в определенный полк зависело от местнического положения лиц, назначаемых в другие полки. Вообще обычно служба вне воеводских постов, тем более в «ряду», не считалась разрядной, следовательно, не могла привести к местническим столкновениям.

Наконец, несколько слов в ответ на мнение А. Н. Лобина по поводу Уложения 1556 г. Я согласен с исследователем, что Уложение «юридически оформляло обязанность несения службы с четко установленными нормами». Однако, когда уважаемый коллега пишет о том, что «изначально Уложение являлось не столько указанием к действию, сколько закрепленной нормой», я понимаю, что мы говорим на разных языках. Во-первых, указание к действию в тексте документа оформляется в виде нормы (правила). Во-вторых, повторяю, притом что Уложение «юридически оформляло обязанность несения службы с четко установленными нормами», его нельзя рассматривать как современный закон. Вопрос лишь в том, как коллега рассматривает «современный закон».

Пенской В. В. (Белгород). Несколько соображений, возникших после ознакомления с высказанными участниками дискуссии мнениями. Н. В. Смирнов совершенно верно заметил, касаясь проблемы определения численности русских войск в XVI в.,

⁵⁵ *Петров К. В.* Проблема местнического старшинства полковых воевод в России в первой половине XVI в. // Вестник Челябинского университета. Серия 1: История. 1993. № 1. С. 3–8.

что «...состояние источников по русской военной истории позволяет утверждать, что этот вопрос *однозначно не будет решен никогда*» (выделено нами. — П. В.). Практически все отечественные источники по данной проблеме хорошо известны, новых открытий не было достаточно давно, и вряд ли они могут появиться в обозримом будущем. Следовательно, в конечном итоге все упирается в интерпретацию тех скудных данных, которыми мы располагаем на данный момент. Здесь-то и проходит своего рода рубеж, разделяющий тех, кто полагает общую численность русского войска в XVI в. в пределах 40 000–50 000 и тех, кто полагает, что она могла достигать 100 000 или немногим больше.

Прежде всего хотелось бы высказаться по одному из наиболее, на наш взгляд, важных вопросов, вызывающих ожесточенные споры. Прекрасно понимая, что точку в этой дискуссии ставить рано, тем не менее, еще раз подчеркнем, что все же, на наш взгляд, правы те, кто полагал — послужильцы детей боярских не учитывались в сохранившихся сметных списках. Внимательно изучив все высказанные участниками доводы «за» и «против», мы полагаем, что в пользу предположения о «написании» детей боярских и их послужильцев в одних и тех же списках пока не высказано достаточно убедительных доводов.

И дело даже не в том, что, как верно подметил А. Н. Лобин, невозможно представить, что гордые своим статусом дети боярские и дворяне при составлении дьяками списков фактически приравнивались к собственным холопам. Хотя уже одно это обстоятельство ставит под вопрос все дальнейшие построения относительно совместного «написания» детей боярских и их послужильцев⁵⁶. Но ведь сама форма записи, и здесь мы согласны с мнением А. Н. Лобина, не позволяет трактовать ее иначе, как прямое указание на то, что в списки заносились только сами дети боярские.

Вообще складывается впечатление, что полные списки, в которых учитывались и сами дети боярские, и их послужильцы, были документами, условно говоря, кратковременного хранения (в отличие от, к примеру, десятен). Действительно, ведь из текста той же полковой росписи 1572 г. следует, что перед нами предварительная роспись, составленная накануне кампании (по мнению В. И. Буганова, зимой или в самом начале весны 1572 г., но до того, как полки отправились на «Берег»). Более того, из наказа воеводе следует также, что и на смотре, что состоялся в апреле 1572 г.⁵⁷, собралось далеко не все войско. Князю предписывалось:

...збиратися всем полком на Коломне и меж Коломны и до Коширы. А, собрався, ити и стать по берегу по своим местом: большому полку в Серпухове, правой руке в Торусе, передовому полку в Колуге, сторожевому полку на Кошире, левой руке на Лопасне...⁵⁸

И далее из текста наказа следует, что после прибытия на место князь должен был:

...поимати по полком памяти: сколько с кем будет людей полковых в доспесех и в тегляех, и без тегляев и сколько кошевых. Да розписати, выбрав, головы добрые и розписати детей боярских и их людей по головам (выделено нами. — П. В.) по всем полком, чтоб всех людей розписати заранее⁵⁹.

⁵⁶ О психологии детей боярских см.: Курбатов О. А. Морально-психологические аспекты тактики русской конницы в середине XVII века // Военно-историческая антропология. М., 2003. С. 193–213.

⁵⁷ Разрядная книга 1475–1605. М., 1982. Т. II. Ч. II. С. 308–309.

⁵⁸ Документы о сражении при Молодях // Исторический архив. 1959. № 4. С. 170.

⁵⁹ Там же. С. 170.

Таким образом, на основе этой предварительной росписи *после смотра по прибытию на место* Воротынский должен был провести *окончательное «устроение»* полков, включая и «прибылых» украинских воевод с их людьми:

...которые воеводы по украинам которым быти по росписи на сходе з бояры и воеводами, и боярину и воеводе князю Михаилу Ивановичю Воротынскому по всем украинам розослати, чтоб по тому же, поймав памяти и розписав по головам детей боярских и *боярских людей*, да тот бы список прислати к боярину и воеводе ко князю Михаилу Ивановичю с товарищи заранее, а у себя противень оставити, чтоб боярину князю Михаилу Ивановичю с товарищи было в ведоме заранее всех украин люди по смотру. *А как люди сойдутца*, и боярину и воеводе князю Михаилу Ивановичю Воротынскому с товарищи, приговоря день да вышед в котором месте пригоже, да *в тот день во всех полках и по всем украинам пересмотрити людей* на конех в доспесех... (выделено нами. — П. В.)⁶⁰.

Только тогда воевода и его товарищи должны были составить еще одну, на этот раз полную и окончательную роспись ратных людей всех разрядов «по головам», включая сюда послужильцев детей боярских, даточных пищальников и казаков.

Таким образом, алгоритм действий воевод на этом примере прослеживается достаточно четко — в преддверии кампании дьяки Разрядного приказа составляли *предварительную роспись* войска, что должно было отправиться в поход, и эту предварительную роспись воеводы получали на руки. Однако, судя по всему, при составлении этой предварительной росписи дьяки не знали, сколько точно соберется под знамена воевод тех же детей боярских и, тем более, их послужильцев (вероятно эта роспись составлялась с опорой на данные десятен). Поэтому по прибытии на место воеводы были обязаны устроить смотр присутствующих и расписать их по головам и полкам. Эта *окончательная роспись* и отправлялась в Разрядный приказ.

Однако была ли обнаружена хоть одна такая сводная роспись (я не имею в виду записи в разрядных книгах, поскольку они носили несколько иной характер и имели, очевидно, другую цель) в делопроизводственной документации Разрядного приказа? Насколько я знаю, нет. И поскольку таких окончательных росписей должно было отложиться в его архивах немало, а их следов пока не обнаружено, значит, можно с достаточно высокой степенью уверенности утверждать, что они долго не хранились, поскольку имели практическое значение, и сохраняли свою ценность только в момент своего составления и до конца кампании. Для тех же местнических споров эти росписи были не нужны.

Все это вместе взятое позволяет поставить под сомнение доводы тех специалистов, что предполагают возможным внесение в сохранившиеся полковые списки всех ратников без изъятия, и детей боярских, и их послужильцев. Аналогии же с XVII в. здесь выглядят несколько натянутыми, поскольку неоднократно уже было показано, что в послесмутное время обедневшие дети боярские в массе своей были неспособны и далее служить не только «конно и оружно», но и «людно»⁶¹.

⁶⁰ Там же. С. 170–171.

⁶¹ См., например: *Воробьев В. М.* «Конность, людность, оружность и сбруйность» служилых городов при первых Романовых // *Дом Романовых в истории России*. СПб., 1995. С. 93–108; *Смирнов Н. В.* Боевые холопы в составе поместной конницы во второй половине XVI – первой половине XVII вв. // *Исследования по истории средневековой Руси*: Сб. статей к 80-летию Ю. Г. Алексеева. М.; СПб., 2006. С. 369–382.

Далее, соглашаясь в общем с исключением из состава русского войска (вне зависимости от того, идет ли речь о полевой армии или же о вооруженных силах в целом) «посохи» (хотя и здесь есть некоторые сомнения, поскольку, судя по всему, именно из посошных набиралась прислуга к артиллерии, и без них она была бы небоеспособна), мы поддерживаем позицию Н. В. Смирнова о включении в состав армии кошевых или, по крайней мере, об указании их отдельной строкой как «полукомбатантов» (опять же напрашивается мысль об исчислении полевых армий по принципу деления «едоков» и «сабель»). Кошевые были вооружены (не так хорошо, конечно, как их хозяева, но все же), были конными и, судя по всему, время от времени привлекались к непосредственному участию в боевых действиях (прежде всего, во время ведения осад). К тому же наличие кошевых позволяло переложить на их плечи оборону коша, не отвлекая на решение этой задачи бойцов из полков.

Кстати, о «кошах». Действительно, сторонники «тьмочисленности» московских, равно как польско-литовских и в особенности татарских войск, как-то забывают о проблемах логистики, которые приобретали особый размах в условиях восточно-европейского театра военных действий. Большая армия обязательно должна была тащить с собой огромный обоз, сковывавший ее действия.

Однако, помня об этом, необходимо учитывать и характер действий рати. Одно дело, когда в поход отправлялось войско, имевшее своей задачей опустошение неприятельской территории. Обоз в таком случае (по крайней мере, на начальном этапе кампании) был небольшим и достаточно компактным. Другое дело, когда речь шла о походе, предполагавшем ведение длительных и напряженных боевых действий, сопряженных с возможным активным противодействием неприятеля и, тем более, ведением осад. Примером может служить зимний поход 1564 г., закончившийся поражением русской рати на Уле, и в особенности Полоцкий поход Ивана Грозного. Кстати, по нашему мнению, сообщение о проблемах с продвижением обозов в ходе Полоцкого похода как раз и свидетельствует о том, что русское войско на этот раз достигало небывалых доселе размеров, ибо ни до, ни после источники (насколько мне известно) не сообщают о такого рода трудностях.

Еще одно замечание касается степени объективности нарративных источников. Конечно, их сведения отбрасывать нельзя, и в каждом конкретном случае необходимо предпринимать тщательный анализ происхождения такого рода сведений. Хотя А. И. Папков и подверг критике высказанное нами (и не только) мнение о провиденциализме русских летописцев, тем не менее, мы убеждены в том, что это обстоятельство необходимо учитывать. Что же касается конкретных примеров того, что приведенные в нарративных источниках сведения выглядят достаточно убедительными, то, на наш взгляд, таковыми могут являться сведения, сообщаемые Дж. Флетчером и «Московским летописцем». Тот же Флетчер дает нам картину не «тьмочисленного» московского войска (и это на фоне своих предшественников, что писали о 200 000 или даже 400 000 всадников, которыми как будто обладает московский государь, и это не считая бесчисленных пеших ратей), а называет вполне приемлемую цифру — около 100 000⁶². В летописце сообщается о 73 000 ратных людей⁶³, что также непохоже на

⁶² Флетчер Дж. О государстве Русском // Россия XVI века: Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2002. С. 7–78.

⁶³ Московский летописец // ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 224.

«тьмочисленное» войско. Складывается впечатление, что в первом случае речь идет о «штатной» росписи всего войска, подобной тем, что составлялись в XVII в., и которую каким-то образом (не через Дж. Горсея ли?) Флетчер раздобыл в Разрядном приказе. Во втором же речь идет об использованных автором летописи данных росписи двух армий, выставленных в кампанию 1572 г. на «Берегу» и на северо-западном направлении.

И последнее. На наш взгляд, все же имеет смысл говорить о том, что в период наивысшего подъема Российского государства (вторая половина 1550-х – начало 1570-х гг.) русское войско насчитывало около 100 000 ратных людей всех разрядов без учета посошных. В пользу этого говорит хотя бы то, что накануне Смоленской войны русское войско насчитывало около 100 000, так неужели же Иван Грозный на пике своего могущества имел войско меньшее, чем первый Романов, владевший еще не оправившимся после Смуты государством? Наконец, «Бог всегда на стороне больших батальонов», а России в это время приходилось вести борьбу, по меньшей мере, на двух фронтах. И если Литва могла выставить в поле до 30 000⁶⁴, а крымский хан до 60 000, то как тогда могла успешно бороться с ними Россия, якобы располагавшая всего 45 000–50 000 полевых войск (при 5–10 % «нетчиков») при общей численности войска в 60 000?

⁶⁴ Литовская метрика. Переписи войска литовского // РИБ. Пг., 1915. Т. 23. Стб. 1375–1381; Kotarsky H. Wojsko polsko-litewskie podczas wojny Inflanckiej 1576–1582 // SMHW. Warszawa, 1970. Т. XVI. Cz. II. S. 87.